

ИЛЛЮЗИЯ ВОСПИТАНИЯ И ИЛЛЮЗОРНОСТЬ ВОСПИТАННОСТИ

Надежда Егоровна Щуркова,
*профессор Московского института открытого образования,
доктор педагогических наук*

Тринадцать лет назад один из выпусков журнала «НО» открывался статьёй с вопросом «Нищета воспитания преодолима?». С тех пор журнал в каждом выпуске уделял большое внимание проблемам воспитания, показал, как мораль и нравственность в 1990-е годы превращалась с огромным трудом в регулятор социальной гармонии. Но, к сожалению, полноценного ответа на вопрос, поставленный журналом, до сих пор нет. Нет потому, что ещё очень много формализма, а то и бюрократизма в способах, методах духовно-нравственного воспитания. Вожатый объявляет критерием воспитания «коэффициент доброты» ребят, научные работники предлагают оценивать воспитанность школьников по... 32 критериям (так и хочется сказать «Счастливого пути, господа оценщики!»); школы разрабатывают «воспитательные программы», в которых число мероприятий в месяц превышает календарное число дней... Пока не избавимся от подобных «методов воспитания», его нищета так и будет напоминать о себе.

В недавнем прошлом нас убеждали: нравственно то, что служит делу коммунизма. А теперь что делать с нравственностью, если «дело коммунизма» заменено другими делами? В индуистской религии нравственность — это отношение к живому, будь то человек, животное или цветок, дерево.

Наш прекрасный русский писатель Андрей Платонов, которого мы знаем как прозаика, писал стихи. В одном из них он признаётся: «Мне родня — трава и звери...» То есть высшая ценность — жизнь в любых её формах, а нравственность — ценностное отношение человека к жизни и к любому поступку в ней.

Статья, которую мы предлагаем, на наш взгляд, поможет школе и учителям взглянуть на детей, на свою оценку их воспитанности с точки зрения истинной нравственности и здравого смысла.

• личностная структура • наивысшие ценности • иллюзия воспитания
• показатели • признак • ценностное отношение • воспитанность • объект отношения, ценностная интерпретация

Начну с трёх постулатов. Примем их за исходное в нашем анализе.

Первый. Воспитание — явление планетарное. Заложенное в генетический фонд биологического мира, оно — вечное воспитание — проходило историческую эволюцию в человеческом общеджитии, обретая роль безусловного и сильнейшего фактора общественного развития. Людям (ни дикарям, ни каннибалам, ни туземцам, ни варварам) не приходило в голову отменять, изгонять воспитание из социальной структуры жизни. Лишь политические спекулянты России в подлые 1990-е годы совершили варварский акт, исключив из школы воспитание. А этот феномен вводит ребёнка в культуру человеческой жизни на современном высоком уровне её развития. Усвоение и присвоение достижений человечества молодым поколением **обеспечивают обществу процветание.**

Второй постулат. Воспитание — регентальный аспект (направляющий, руководящий) подготовки молодого поколения к жизни — широчайшего содержания, всеохватывающего влияния. Объект воспитания — личность как носитель бескрайнего разнообразия отношений к миру. Отношения эти устанавливаются через призму социального устройства, социальных и ценностных принципов жизни. Их совокупность и есть сущность личности. Обучение — это средство и способ устанавливать связи личности с объектами мира. Оно **входит в содержание воспитания**, обеспечивает избирательность личностных связей человека с миром.

Третий постулат. Воспитание — системный процесс. Бескрайность отношений личности не поддаётся ни подсчёту, ни оценке. Философия выделила из великого множества наиважнейших объектов то, что определяет сохранение и процветание жизни на Земле, и ввела в понятийный аппарат науки категорию «ценность». Воспитание — это процесс целенаправленного педагогически организованного содействия **рождению и развитию в личностной структуре ребёнка системы наивысших ценностей**, базовых и инструментальных.

«...Непрерывное сопровождение в течение всего времени...»

В ракурсе этих исходных положений самоочевидно, что воспитания как процесса научно-педагогических оснований сегодня не существует. Дети отданы на откуп стихийным обстоятельствам. На фоне общепризнанной безграмотности, слабой образованности, крайне низкой культуры отсутствие воспитания не замечается. Изредка всколыхнётся гражданская озабоченность: что происходит с детьми? откуда варварские акты и звериная жестокость? Декларативные призывы к восстановлению разрушенного пусты.

Следствие слабого воспитания — низкая культура молодых людей. А воспитанность детей хотелось бы получить — и разом, и сразу, и без науки педагогики. Выбрасываются народные деньги на учебники

средневековой примитивной морали, которые должны были бы залатать дырки системы. (Точь-в-точь, как Матрёна в попытке спасти истрёпанную юбку кладёт яркую заплату.) Но систему это не меняет: родители не согласны с нововведениями, учителя потихоньку заменяют эти уроки русским языком, дети не понимают смысла мифологической мудрости, увлечённые головокружительной техникой Интернета. Влияние нововведения нулевое.

Наряду с полным отсутствием воспитания, «за ненадобностью» аннулируется и профессиональное мастерство школьного учителя в этой сфере.

Однако иллюзорное представление о якобы существующем в школе воспитательном процессе и воспитанности школьников как результате работы учителей должно же присутствовать, чтобы породить у начальства благоденствующую уверенность в плодотворности его профессиональной работы. Она-то — эта иллюзорная благостность — и существует.

Иллюзия — нечто кажущееся, призрачное, обманчивое, порождённое необоснованными надеждами на ожидаемый результат. Нам кажется, что мы занимаемся воспитанием детей, но вектор наших профессиональных усилий направлен постоянно и привычно на сообщение, распоряжение, руководство, приказание, оценку, натаскивание. Мы управляем ребёнком, как ямщик управлял лошадьми.

Так, учителю кажется, что его объяснение столь ясно, что все ученики должны понять и запомнить правило. А тот, кто не смог его воспроизвести, — либо глуп, либо ленив. Публично такое оценочное суждение преподносится всему классу. Здесь двойная иллюзия: одна касается представления о собственной деятельности; другая — представления о деятельности учеников, обречённых на послушное исполнение. Учитель не знает, что «мыслит не мозг — мыслит человек».

Даже родители, любящие своих детей, нередко отмечают заблуждения учителя в отношении к ребёнку и постоянно обсуждают и осуждают наивную иллюзорность педагога-профессионала. Правда, не зная, при этом, что нужно менять в школьном образовании.

Время социальных катаклизмов обострило проблему воспитания. Но почему именно в наше коррумпированное время затмевается сознание школьного педагога, как будто ему хочется пребывать в иллюзорном профессиональном пространстве? В год 170-летия со дня рождения философа Фридриха Ницше обратимся к нему за помощью. Фридрих Ницше¹, выделяет ряд показателей порождаемых коррупцией общественной жизни. Отмечая, что в коррумпированном обществе «народная энергия» перемещается в частные страсти, он выявляет следующую характеристику: «индивидуум проматывает как никогда прежде» свою энергию на добычу финансовых средств. Сегодня это общедоступно самому поверхностному взгляду.

Ученикам четвёртого класса приказано оплачивать дополнительные недельные занятия по подготовке к ЕГЭ (500 рублей за час). Занятия проводит учитель, который слово «речь» пишет без мягкого знака и не всегда умеет различить именительный и винительный падежи... Финансовая подоплёка вводимой инновации самоочевидна.

Отмечая, что в периоды коррупции социально-нормативная атмосфера «более мягкая» и «менее жестокая», Ницше замечает, что «жестокость рядится в утончённые формы». «Коррумпированные люди остроумны и злоречивы, они знают, что есть ещё другие способы убийства, чем кинжал и нападение, они знают также, что во всё хорошо сказанное верят...». И этот показатель в своём зловещем объёме бытует в образовательной сфере в виде чудовищного потока неграмотных реформ, обманных обещаний, завуалированных программ.

Предлагаем понять из образовательного документа, называемого *Стандартами*, крохотный фрагмент и оценить его

¹ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. Мн. 1997. С. 368–369.

утончённое искусство кодирования пустопо-
рожности: «Необходимым Условием качест-
венной реализации Программы является не-
прерывное сопровождение педагогическими
и учебно-вспомогательными работниками
в течение всего времени её реализации
в Организации или в Группе».

Ницше, отмечая, что при властвующих гру-
бых силах «начинают всплывать существа,
которых называют тиранами», фиксирует не-
пременное процветание продажности и пре-
дательства, поскольку могущественное лицо
имеет готовность «ссыпать золото в протяну-
тую ладонь» предающих. Именно такие на-
чальственные фигуры сегодня внедрились
в школьную реальность угрожающее
«Уволю!» как способ управления...

«Доступно взору»: что показывает показатель

Всё это имеет прямое и циничное выражение
во всех сферах общественной жизни. Не из-
бежала и сфера образования этих показате-
лей в коррумпированном обществе.

Иллюзорность воспитанности школьни-
ков — производное иллюзии воспитания
и продукт усилий школьного учителя, которо-
му, как уже сказано, необходимо утешение
и уверенность в продуктивности своей работы.
Иллюзорность воспитанности — удобная об-
манка для обретения профессиональной значи-
мости своих профессиональных усилий, лож-
ная педагогическая характеристика меры вос-
питанности детей. Понятно, в первую оче-
редь, иллюзия рождается на базе низкого
уровня общего представления самого учителя
о культурном человеке и соответственно —
образа детства и юношества в контексте куль-
туры. На фоне полуграмотного населения лю-
бой ученик, получивший долю знаний о мире
и умеющий пользоваться компьютером, ка-
жется вполне культурным и воспитанным.

Но обманка создаётся и за счёт хитро выст-
раиваемых показателей. Показатель — то,

что «доступно взору», — пишет
С.И. Ожегов в Словаре русского языка.
Это всего лишь видимость, показуха, спе-
циально рассчитанная на желаемое впе-
чатление от результата, по сути — об-
манное впечатление.

Житейски-обыденное восприятие, к вели-
кому сожалению, выстраивается на вос-
приятии именно таких — внешних пока-
зателей. Так проще и легче: что вижу
и слышу, то и принимаю за истинность
объектных характеристик.

Замечу: в теории такой перекося произо-
шёл, когда категорию «образования» рас-
ширили до «формирования образа челове-
ка в индивидуе» и невольно сузили содер-
жание категории «воспитание» до «науче-
ния поведению».

Привычное представление, составленное
из показателей, в обыденной жизни вы-
глядит примерно так: «Ты не знаешь
Ивана Ивановича? У него машина та-
кая — красная и собака лохматая... Он
с портфелем ходит...». Если же педагоги-
ческое профессиональное представление
о человеке такого же порядка, то и мето-
дика работы учителя с детьми выстраива-
ется на основе желаемых показателей:

- «Если будете сидеть тихо, я кое-что
вам расскажу...»
- «Кто первым выполнит упражнение,
тот «пять» получит...»
- «Подсчитайте, сколько раз за день вы
произнесёте «спасибо»... Можете полу-
чить звание «комильфо»...»

Так выстраивается «педагогика подкупа»
по парадигме «если сделаете..., то за это
вам будет...».

В одном из летних детских лагерей пси-
хологи проводили акцию «добрых дел»:
дети разбегались в поисках шанса испол-
нить «доброе дело», а потом возвраща-
лись с публичным оглашением количества
совершённых ими «дел», ожидания мо-
ральной платы за них. Но педагоги
не могли не понимать безнравственных

последствий таких упражнений. Расчёт на внешние показатели чреват будущим карьеризмом, корыстью, а далее — бюрократией и цинизмом.

Впрочем, не стану увеличивать груз вины сегодняшнего учителя. Разве чиновничья игра в электронный дневник школьника не есть возведение в ранг существенной характеристики нечестности ребёнка, враждебности семейных отношений?! В этой дорогостоящей акции прячется способ «вылавливать обманщика», «наказывать за неуспех», «вступать с учителем в спор»... Логика показателя в данном случае только тем и хороша, что выявляет признак дурной власти, работающей на основе «применительно к подлости» (Салтыков-Щедрин).

Но спросим себя: может быть, нет ничего опасного в ошибочной интерпретации показателя как знака, удостоверяющего наличие воспитания и воспитанности? Лоуренс Питер в книге «Почему дела идут вкось и вкривь?» отвечает на этот вопрос: стремление произвести впечатление превращается в такую неотвязную заботу, что внешние приметы (показатели — *Н.Щ.*) успеха ценятся больше, чем сам успех.

Пусть послужит ответом на этот вопрос и эпизод из практики воспитания школьников.

...Идёт конкурс «Лучшая школа года». На сцене хор старшеклассников. Исполняется песня патриотической тематики. Взмывает флаг нашей страны... Зрители и жюри взволнованы и воодушевлены: судя по выступлению, это прекрасные дети и это замечательная школа...

Но вот старшеклассники спускаются со сцены. Последним идёт знаменосец, волоча за собою по грязному полу древко с распущенным флагом... Жюри этого уже не видит. Для жюри подготовили ослепляющий показатель — он выполнил предназначенную ему корыстную и крайне вредную для воспитания функцию...

Показатель «показывает» то, что приготовляет субъект для восприятия другими людьми. Нанизывая на единую нить желаемые администрацией показатели, школа выстраивает иллюзорную картину, знакомую по сказке Х.-К. Андерсена «Гольи́й король». И тут страшна более всего маргинальность юной личности: она стоит

на границе альтернативы «ценности — квазиценности», и выбор здесь непредсказуем и немотивирован.

В сфере школьного сегодняшнего воспитания **иллюзию воспитания** сознательно выстраивает **чиновничий** административный аппарат, придумывая инструкции к «стандартам», «анализам», «оценкам», «мероприятиям», «проектам», понуждая школьного учителя исполнять их и писать бессмысленные отчёты о том, что не является воспитательным процессом.

Ко всеобщему сопротивлению школьный педагог не готов. Он беспомощен и запуган. Профессиональная ошибочность трактовки двух профессиональных понятий — «**показатель воспитания**» и «**признак воспитанности**» — дезориентируют его в противоречивых отношениях и сложности сегодняшней ситуации.

Выделим общепринятые показатели позитивного плана, которые оцениваются педагогами положительно, а значит, и дети как их носители оцениваются высоко. Вот некоторые показатели, очерченные социумом категорически:

- детали внешнего облика воспитанника (чист, опрятен, улыбчив, строен, уравновешен...);
- детали поведения воспитанника (исполнителен, дисциплинирован, активен, вежлив, несуетлив, оптимистичен...);
- детали предметной деятельности воспитанника (чёткость, точность, качественность, своевременность, оригинальность...).

Даже в таком кратком перечислении очевидных для школьного учителя требований к ребёнку вдруг высвечивается явная неочевидность его личностных достоинств и туманность меры вочеловеченности носителя таких показателей. Образ владельца этих показателей и характер его воспитанности довольно расплывчаты.

Увлечённые показателями, мы позволяем себе обманываться в характеристиках личности. Некоторых сдерживает иногда профессиональная интуиция: мы осторожно говорим «Такой приятный человек», не позволяя себе выйти на уровень признания достойной личности.

Губернаторы-взяточники, чиновники-казнокрады, бандиты-бизнесмены — это всё картинки перевоплотившихся вчерашних приятных показателей наших школьников в устойчивые признаки асоциального и антисоциального поведения. В детстве эти персоны тоже были аккуратны, вежливы, общественно активны, успешны в учёбе... Такие характеристики убаюкивали сознание учителей, прикрывали флёром приличия спонтанное формирование стержневых асоциальных отношений.

Хотя нельзя исключать и такие ситуации, когда один отдельный показатель способен адекватно отразить суть личности.

Например, появление на московской сцене французской певицы Мирей Матье со словами «Я привезла вам букет французских песен» послужил существенным показателем высокой эстетики и этики певицы — потому и вызвал восторженный взрыв аплодисментов нашей публики. И публика не ошиблась в квалификации этого показателя...

А вот ещё показатель. Моментальный, еле уловимый. Ученица допустила глупую ошибку — класс и учитель расхохотались... И лишь один голос встал на защиту: «Чего смеётесь? Сами не ошибались что ли?». В этом случае тоже не исключено оценивание по показателю реакции ученика как его личностной характеристики, *признак достойной личности*.

Вспомним Маяковского: «...Лошадь упала! Смеялся Кузнецкий. Лишь один я голос свой не вмешивал в вой ему. Подошёл и вижу — за каплищей каплица по морде катится, прячется в шерсти... «Лошадь, не надо, Лошадь, слушайте — чего вы думаете, что вы их плоше?...»

В ситуации принципиально важной, острой, напряжённой показатели обретают роль признака личности. Но и тут вновь оговорюсь: что касается детей, то это, скорее, признак развивающегося отношения, а вернее, будущего ценностного отношения в его динамике.

Пятнадцатилетний подросток, улыбчивый Виталий подготавливает террористический акт... Сознательно идёт на этот шаг. Признака антагонистической позиции ни родители, ни педагоги не улавливали. Лишь случай предотвратил подготовленное преступление... Теперь вспоминают, что во втором классе этот милый мальчик заявлял, что «хочет убивать людей»... Сочтя такое проявление детской шуткой, педагоги не возвели тогда этот показатель в ранг признака, их не взволновала тревожная динамика развития личности мальчика.

Стержневая характеристика личности — ценностные отношения

К сожалению, вошло в привычку расценивать внешние показатели в ракурсе житейски-обыденного их толкования. Учитель склонен воспринимать всё содеянное в качестве показателя: «Ты что, не знаешь, как надо себя вести?» «Сколько раз мне вам говорить?...», «Встаньте ровно... Теперь садитесь!»

В состоянии психологического неблагополучия действия ребёнка и его реакции не могут квалифицироваться с точки зрения морали: **они показатели состояния, но не меры воспитанности**. Ставя же акцент на личностном признаке, ориентируясь на **личностное отношение, здесь и сейчас выявленное**, а не на показателе действий, педагог увеличивал бы результативность своей профессиональной деятельности.

Признак — это знак, выявляющий суть объекта. Знак, по которому можно узнать что-то о самом объекте, но не про его обладание. Объекту «присуще» то, что знаком определяется. Иван Иванович —

человек благородный. Этот признак остаётся с ним всегда — даже если сломается красная машина, потеряется портфель, и вместо лохматой собаки будет рядом выхаживать короткошерстый грейхаунд.

Признак воспитания — знак, по которому угадываются внутренние социально-психологические обретения личностной структуры детей.

Воспитание наделяет детей достойными социальными отношениями. Это его призвание.

Сущность личности складывается из отношений. Ценностные отношения, в силу их широкого охвата объектов, — стержневые характеристики. Они и являются личностными признаками, составляют социальный облик растущего человека. Если бы педагогическая интерпретация разворачивала перед сознанием детей ценностный объект, вскрывала бы социальную значимость нравственных норм жизни и тем самым содействовала бы восхождению сознания детей «от факта к явлению», то на этом уровне педагог мог осмысливать с детьми закономерности ценностной социальной жизни. *И на основе этих признаков достойной жизни и достойного человека каждый ребёнок самостоятельно выстраивал бы поведенческие формы (истинные показатели воспитанности).*

И тогда воспитательный выигрыш принадлежал бы ребёнку. Тот, кто выстраивает отношения, обретает нечто: богаче становится на одну книгу, на одного друга, на новое знание... Обогащается эмоциональная палитра его души, расширяется спектр его социальных умений (компетенций, как мы говорим сегодня), утончается понимание событий жизни. **А значит, увеличивается мера его свободы.**

Очень опасны скоропалительные и публичные оглашения ярлыков, раздаваемых учителем ответственно действиям детей: ребёнок хихикнул в застенчивости — «Чего смеёшься, бесовестный?»², ребёнок разозлился от неудачи — «Так ты ещё и грубишь? Хулиган!», ученик первым выполнил задание — «Вот самый умный в классе!».

Следствием таких оценок становится приучение детей жить «по показателям», а значит — показушно. Высокая же культура XXI века предоставляет право входящему в мир ребёнку

жить «по признакам» достойной жизни достойного человека — по его отношениям к людям, к миру, к себе. Но мы не ставим даже своей целью формировать духовный мир Принца, удовлетворяясь приспособленностью духовно обездоленного Нищего к существованию в обществе.

Показатели и признаки должны проходить моментальную интерпретацию в профессиональном сознании педагога. Там, где теряется молодой и неопытный учитель, легко справляется опытный и мудрый, овладевая **педагогическим интерпретированием** — операцией простой, лёгкой, изящной.

В сегодняшней литературе уже заметно движение мысли в этом направлении. Пока только — как **новое направление мысли**. И пока эти категории не будут введены в педагогический инструментарий, мы не раскроем ключевых профессиональных операций, позволяющих выявлять и оценивать поведенческие акты детей. Например, из последних работ можно выделить статью С.В. Яковлева «Интерпретация поведения как основа оценочной деятельности»². Автор статьи указывает на ценностную ориентацию как способ понимания и оценивания поведения учащихся. Но при этом автор добавляет «и действий», тем самым не разводя показатели и признаки. И невольно уважаемый автор проявляет беспомощность теоретика в оценке жизненной практики.

Он предлагает к решению такую ситуацию: бабушка спит, а внуку понадобились ножницы, которых без спроса непозволительно брать. Внук разбудил бабушку и получил... такое разрешение. Автор делает следующий вывод: «Бесцеремонность в данном случае нельзя квалифицировать как плохой поступок;

² Яковлев С.В. Интерпретация поведения воспитанника как основа оценочной деятельности педагога // Воспитание школьников. 2013. № 9.

внук проявил свою воспитанность...». Автор занимает позицию «показателя» (мальчик спрашивает разрешения), оценивая действие. Если бы он стал на позицию «признака» — то есть, определил бы объект деятельности с точки зрения ценностного отношения («человек» — наивысшая ценность), то достойным было бы прямо противоположное решение: не будить спящую бабушку. Далее автор предлагает нам второй пример со столь же сомнительным решением.

Я уже говорила о том, что показатели не способны выявить сущностного признака человека. Они только выявляют «правильны» (согласно правилу) или неправильны (нарушая правило) его действия. Воспитанный человек в сложных обстоятельствах может оплошать, ошибиться, растеряться, взволноваться. И в этих случаях невозможно определить сущностные черты личности

Поэтому не могут служить основанием для характеристики действия импульсивные, подражательные, неумелые, аффективные, немотивированные, зависимые от состояния. Хотя нельзя не признать некоторых «существенных показателей», несущих в себе явно выраженное отношение. В бытийной жизни распространено мнение, будто иногда именно мелочи поведения выдают суть личности. С этим нельзя не согласиться, если оговорить, что мелочи поведения надо «уметь читать», то есть **интерпретировать их с позиции отношенческой**. Вот чего не делает автор приведённой выше статьи. Он исключает из педагогического инструментария категорию «ценностное отношение», которое есть цель, содержание и главный критерий оценки воспитания. Интерпретация ещё не гарантирует педагогического успеха без наполнения её ценностным содержанием.

Выявить признак воспитанности — значит выявить в совершаемых действиях **объект отношения**, ценность которого и есть движущая сила выстраиваемого поведения. Поэтому «каждый поступок продолжает нас са-

мих, он ткёт наше пёстрое одеяние... Наше переживание — вот наше одеяние»³.

Новое воспитание внедряет в практику ряд профессиональных операций, выявляющих истинное отношение к объекту. Они, эти операции, уточняют содержание показателя и соотношение его с личностным признаком: «Я вас не обидела?.. Вы, может быть, устали?». «Правильно ли я поняла: вы хотите...? На это, вероятно, есть серьёзные причины?..», «Мне нравится, когда люди красиво делают своё дело...», «А мне всегда казалось, что...».

Показатели способны лишь породить иллюзорность личности человека.

Признаки же выявляют сущностные его характеристики, истинную его воспитанность.

О поведении можно забыть, если работаешь в социальном поле отношений

Показатели сопоставляются, анализируются, наблюдаются во временном течении, фиксируются памятью педагога. Их нельзя игнорировать, но им нельзя доверять в итоговой оценке воспитательного процесса. Покажем на примере попытки охарактеризовать конкретную школу с такой точки зрения. Обратимся к одной из лучших гимназий⁴.

....Чистые линии аллеи в зелёном обрамлении. Просторный двор и цветы, удобно расположившиеся по краям. И ступени к стеклянным дверям, открывающим дорогу к истине, чтобы учиться жить достойно.

А дежурный у входа...То ли это вахтёр, то ли учитель.. Но — прямо сюрприз: широкая улыбка, раскрытые ладони, как будто именно тебя ждали и безмерно

³ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. Минск. 1997. С. 625.

⁴ Гимназия «Эврика» г. Анапа Краснодарского края. Проводим анализ в юбилейный год гимназии.

рады твоему появлению. Почти иллюстрация к теории австрийского психолога Лэнгле: надо, чтобы человека принимали в этом мире, а он бы чувствовал: «Я есть!».

Чудесный школьный звонок. Мелодии «Шуточки» Баха и «Маленькой ночной серенады» Моцарта. Звонок задаёт тональность психологической атмосферы... Или наоборот: тональность атмосферы в школе нашла своё выражение в этом звонке? И передвижения детей по коридору — лёгкие и свободные. Как если бы каждый переживал это психологическое «Я есть!», но ещё и «Хорошо, что я есть!».

Ощущение достоинства школьной жизни не оставляет ни в коридоре, ни в столовой, ни в актовом зале. И в кабинете директора — рабочей комнате, где есть всё для работы. Ничего лишнего. Как известно, закон «ничего лишнего» («чуть-чуть») — один из законов красоты. Истина с красотой в гимназии пребывают в крепком союзе.

Но это всё внешние показатели гимназии. Они доступны поверхностному непрофессиональному глазу. Гораздо труднее проникать сквозь внешние показатели, разглядеть именно то, что делает школу такой, какой она является,

Немало школ очень красивого убранства. Есть и мраморные лестницы, есть и розарий, заведён и зимний сад... Но при этом бывает — ключи в кармане каждого учителя: от кабинета, гардероба, туалета, музея, зимнего сада... Вышёл — запри. Чтобы войти — нужен ключ. Во время урока туалетные комнаты — на ключ: тогда дети (объясняет директор) — «не удирают в туалет с уроков». В одной такой красивой школе, получившей трёхмиллионный грант, ученики привычно, громко пользуются словами арго, вплетая их в свою речь безо всякой осторожности и сомнения. Чтобы обрисовать школу, показателей недостаточно. Нужно выявлять сущностный признак школьной системы воспитания.

Логика воспитательного процесса сегодняшними управителями образовательного дела выстраивается по принципу «От показателя к признаку». Авторы стандартов полагают, что суммарная совокупность показателей, ими перечисленных, породит желаемый признак достойного челове-

ка. (Хотя признак достойного человека они не называют — как и категорию «Человек» забывают положить в мешок стандартов.) А педагог-практик, следуя такой логике, выдвигает лишь негативистские показатели: дети «не шумят», «не кричат», «не дерутся», «не грубят», «не ленятся», хотя при этом не может фиксировать позитивных показателей, таких, как «добрые», «благородные», «социально активные», «трудолюбивые», «любопытные».

Складывается впечатление, что цель школьного учителя — обеспечить собственное спокойствие. И он этого добивается, переложив целиком вину за невоспитанность школьника... на самого школьника. «Какие вы у меня невоспитанные!» — заявляет учитель, сбрасывая с себя груз профессиональной ответственности. И не даёт себе отчёта в том, что там, где нет воспитания, нет и воспитанности.

Чтобы быть справедливой, скажу: вопрос показателя и признака имеет свою вековую историю. Вспомним эпизод философской полемики. Древнегреческий философ Платон даёт определение человека как «птицы без крыльев»... Диоген в качестве возражения приносит обципанного петуха и ставит риторический вопрос «Это — человек?». Мыслители смотрели на объект с разных позиций: один — с позиции показателей; другой — с позиции признака.

Показатель, даже если он яркий и добродетельный, позволяет обнаружить лишь **одну из сторон вероятностного отношения**. Например, по просьбе любимой учительницы школьник вымыл пол в кабинете, уступил самое удобное место, выполнил порученное дело, оказал знаки внимания даме — эти действия могут быть простым послушанием и немотивированным актом.

Признак выявляет себя в облике поступка.

Протянул руку помощи, хорошо выполнил порученную работу, поделился с голодным куском хлеба, организовал игру с малышами, выделил время для больного, пригласил в театр бабушку с дедушкой, построил конуру для бездомной собаки...

Поступок — открыто выраженное отношение к объекту, к социальной ситуации, выстраиваемое языком речи, эмоций и действий. Бесспорно: пока нам не известна мотивация, трудно быть убеждённым в оценке поступка. Но именно слияние действия с речью, мимикой, пластикой, интонацией, а главное — постоянство и несценарность совершаемых действий напояказ, «поступок по секрету» (А.С. Макаренко) — убедительный критерий оценки личности, её воспитанности.

Логика нового воспитания избирает вектор — «от признака к показателям». Обретение признака достойного человека обуславливает проявление пёстрога соответствующих признаку показателей. Если рождается достойный признак, он обуславливает достойные показатели. Ценностное отношение проявляет себя в характере частных характеристик поведения. Ориентация на ценностные отношения привносится в повседневную жизнь детей, вскрывая социальный смысл общепринятых показателей поведения. Вот пример тому. Рассказывает педагог технического училища Марина Николаевна Озерова (г. Москва):

...Сергей вошёл, громко хлопнув дверью... Я ему: «Чего ты хочешь, так хлопая дверью?». Он: «Ничего, я просто так». Я ему: «Как ты считаешь, людям приятен такой звук?». Он: «Не знаю, об этом не думал...». Я: «Мне, например?». Он: «Вам, наверное, неприятно...». Пауза. Он: Я постараюсь ...придерживать дверь...». Прошло несколько дней. Мы опять столкнулись у дверей. Сергей открыл дверь... протянул мне руку. Меня это тронуло...

Суть воспитания ребёнка не в том, сколько раз его поведение будет соответствовать

социальным нормам. А в том, чтобы все акты его поведения и выстраивания жизни, в итоге, были отношением к ценностям жизни, то есть, его жизнедеятельность являлась бы ценностным отношением, а не случайным набором действий, диктуемых строгими учителями. Не побоюсь сказать так: о поведении можно забыть, если работаешь с детьми в социальном поле отношений.

Представление о счастье

Ориентированность учителя исключительно на показатели (как надо вести себя) столь же вредна для его учеников, ибо они станут столь же поверхностны в оценках окружающего мира. Базовые ценности жизни в сознании школьников не обретают своих признаков, складываются из совокупности самых разных показателей. Вот пример:

Подростков и старшеклассников просили дать определение счастья. С радостью учащиеся принялись за работу. По исполнению просьбы были оживлены и довольны... Обменивались впечатлениями: «Ты что написал?... А я целых две страницы...».

Анализ выявил общую характеристику в подходе к вопросу. И подростки, и юношество перечисляли внешние показатели счастья: «здоровье», «работа», «любовь», «друзья», «родители», «праздники», «концерты», «общение», «понимание», «хорошо учиться», ... Счастье как понятие складывалось в виде суммы разных слагаемых. И не было ни одного обобщённого определения счастья как «состояния высокого удовлетворения жизнью». Из понимания счастья выпадал ценностный объект «жизнь» и человек как субъект этой жизни. Но педагогов не взволновал такой результат, они тоже полагали, что счастье — количественная величина в виде мешка с удовольствиями.

Таким образом, вопрос показателей и признаков воспитания приводит нас к проблеме **стратегии воспитания**. И возводит к исходному положению о безусловности научно-педагогического мышления школьного педагога. Вопреки тому, что советует сегодняшняя власть московского Департамента образования: «**Книг не читать, исполнять наши инструкции — этого достаточно**». (О, вечный Митрофанушка: «всё то вздор, чего не знает он».)

Обобщая сказанное, выскажу такое предостережение. Внешние личностные характеристики растущего школьника не могут служить ни целью воспитания, ни способом, а лишь основой оценки воспитанности. Они, как форма, нейтральны и могут служить средством как позитивных, так и негативных целей воспитания. Они есть субстанция формы — не более того. Предельно широкий спектр развивающихся социальных отношений обретает столь же широкую палитру форм выражения этих отношений. Педагог извлекает из этой палитры форму, которая адекватна ценностному отношению, ибо оно, именно ценностное отношение, и является целью воспитания человека.

Воспитательные техники

Методические профессиональные операции, способные снимать показатель как цель и истолковывать показатель исключительно как средство, выработаны сегодняшней технологией воспитания.

- **Педагогическая аргументация** как довод в пользу социально значимых норм раскрывает социальную значимость и личностный смысл норм культуры. Аннулируем из практики традиционную учительскую аргументацию «А почему?» — «А потому!». Интерпретируем выдвигаемые педагогические требования через отношения к ценности. Обеспечиваем благородную мотивацию воспитанника.

- **Ценностная интерпретация** обогащает направленность личности, вводит в духовный мир школьника ценности, — они и служат компасом её жизнедеятельности. Для этого следует взглянуть с высоты на факты реальности и, абстрагируя, присваивать факту знак ценности. Так, гуманистический содержатель-

ный блок воспитания обеспечивается такими постулатами:

- ▶ «жизнь» есть базовая ценность, а «нежное обращение с живыми существами» — не что иное, как «благоговение перед жизнью»;
- ▶ «природа» есть базовая ценность, а «бережное отношение к лесу» — это не что иное, как «забота о Доме человечества»; «общество» — базовая ценность, а «дисциплина» — условие свободы каждого члена общества;
- ▶ «человек» — базовая ценность, а «неприкосновенность личности» — выражение безусловного уважения к человеку.

- **Инструментовка правил культурной жизни** как естественных и красивых основ повседневной жизни в их лаконичном, метафоричном, символичном оформлении способствует лёгкому и непринуждённому овладению опытом культурной жизни. Например, для элементарной учебной дисциплины, как подтверждает практика, всего и нужны-то:

- ▶ «Один голос»;
- ▶ «Тишина для мысли»;
- ▶ «Забота о Другом».

А для вовлечения ученика в самосовершенствование — три положения:

- ▶ «Я строю своё Я»;
- ▶ «Я выстраиваю свою жизнь»;
- ▶ «Я влияю на жизнь человечества».

Обеспечивается, таким образом, праксиологический блок воспитания — оснащение воспитанника социально значимыми умениями.

- **Педагогическая диагностика** в своей сопроводительной функции³ контролирует направленность личностного развития детей. Выявляя приоритеты, предпочтения, интересы, взгляды, ценностные представления и ценностные отношения воспитанников, обеспечивает стратегический

³ *Щуркова Н.Е.* Педагогическое диагностирование социального развития младшего школьника., М. 2013.

блок воспитания, неизменное целевое движение к образу человека, способного строить достойную жизнь. Например, благодаря методике «свободного выбора» фиксируется избирательность поведения с ориентацией на «благо Другого».

- Научно-теоретические положения, открывающие объективные закономерности спонтанного становления личности лежат в основе любой профессиональной деятельности и диктуют жёстко независимые от нашего своеволия положения — они гарантируют успех деятельности. Воспитание, как дом, стадион, мост, мебель, скрипка, создаётся на базе осознанных объективных закономерностей, если оно хочет быть успешным.

Обеспечивается блок профессионально-методический и этико-психологический.

* * *

Президент США Теодор Рузвельт в своё время предупреждал о возвращении угрозы для общества в ситуации, когда интеллектуальное воспитание не обеспечивается воспитанием нравственным. Сегодня мы реально встречаемся с такой угрозой: дети поднимают руку на своих родителей, ученик убивает из ружья своего учителя. Страна содрогнулась от страшного факта в начале февраля, услышав об убийстве из ружья учителя школы учеником-отличником. *Казалось бы, теперь мы должны повернуться лицом к признаку педагогической ситуации — обнаружить отсутствие воспитания как такового.* Однако нам удобнее вновь отыскивать причины происшедшего с помощью набора показателей: «надо усилить технику безопасности...», «следует определить психическое здоровье ученика...», «выяснить, как храни-

лось оружие в доме...», «не обижал ли учитель ученика...». И даже — вооружать учителей. *Всё это уводит нас от истинной причины преступления школьника.*

Государственная власть не хочет брать на себя ответственность за отсутствие воспитания. И — за смерть погибших. Сначала выбросив «воспитание» из школьной системы образования, а затем поставив акцент на «стандартах». Бюрократические инструкции, нанизывая показатели поведения, вовсе изъяли из процесса формирования личности базовые ценности «жизнь», «человек», «общество», «Я». И, не видя разницы между картинкой в Интернете и человеческим объектом, школьник воспроизводит то, что совершал в компьютерной игре. Ребёнок предметно воспринимает мир. Не проживает ценности жизни вокруг себя и не ценит Другого как носителя жизни.

Обратимся к «Идиоту» Достоевского. Князь Мышки, излечившийся в психиатрической клинике и вновь (в конце романа) помещённый в клинику на лечение, несмотря на своё заболевание, не мог бы поднять руку на человека. Для него жизнь человека священна. Так он воспитан. Это есть его личностный признак, определяющий его человеческий образ.

Показатели сами по себе ничего не определяют и ни за что не отвечают. Табуретку сколачивают по стандартам, чтобы на ней сидеть. Скрипка создается творчески, чтобы исполнять Паганини, Сарасате, Чайковского. Человек с его показателями — дрессируется. Человек в своих сущностных признаках — **вращивается**. Социальная катастрофа неизбежна, если мы перепутаем табуретку с человеком... **НО**